

Рабочий день подходил к концу. В пекарне слышались запахи гвоздики, едва перебиваемые пряными запахами пудры. Суглоба дня исчезли, и кондитер, сняв капкан, опустился на стул. Он чувствовал ^{одновременно} легкую усталость и ~~одновременно~~ восторг. Нет, он не выиграл миллион и не стал лучшим кондитером года - дело было не в этом. Он смотрел на пустую полку, где ещё полчаса назад стояло то, что он мог по праву назвать своим шедевром. Нет, ~~он~~ не будет описывать красоту того свадебного торта (когда-то Гамер, в "Ишиде", пытаясь передать божественную красоту Елены, не стал описывать её внешний вид, а описал ~~этот эффект~~ те эмоции, что испытывали старейшины Муюн, когда она вышла к ним - вот и мы поступим так же), достаточно сказать, что заказчик был счастлив, улыбался не из вежливости, а потому что действительно был в восторге. И кондитер чувствовал это. Он видел, чувствовал, как прекрасно то, что он сделал, и какой эффект это производило на другого человека. И, несмотря на легкую усталость, ^{кондитер} ~~он~~ не порогнулся дамой, хотел ещё немного побыть в пекарне, чтобы продлить ощущение своего успеха, сопричастности чему-то прекрасному. Он был счастлив.

Последний мазок был сделан, хотя нет, ещё один, затем ещё один - и вот теперь уже точно последнее движение кисти. Он был художником, который хотел передать ~~ту красоту мира~~, ^{в этом мире} ~~этот восход солнца и излучение~~, что происходило с миром, ~~этот восход~~, который он увидит, когда в одну из бессонных ночей выйдет на крыльцо

даже. Художник был так же ~~той~~ гистотой преображения мира, что открылся ему, и явные передавать увиденное и те чувства, что он испытывал, с тех пор полностью захватили его. Он отказался от тех заказов, что предлагали ему и сумми в хороший доход. Теперь существовали только он, хаот и то мимолётное ощущение первоначальности и неповторимости бытия, что он боялся потерять, и которое старался запечатлеть. ~~Не сто~~

Не стоит описывать те мучительные состояния перехода от восторга (вот, кашёл, ещё некого, всё пацунится) до самого последнего отчаяния (снова кто, что за бездарность, остановись, ты не сможешь), что он испытывал за ~~те~~ тот год, ^{когда} ~~это~~ писал свою картину. Сейчас всё это было забыто, он просто стоял и смотрел на ~~то~~ полотно, которое смело мог назвать шедевром, испытывая, как называли это древние греки, чувство катарсиса.

~~Всё же~~ Он не задумывался о дальнейшей судьбе картины: выставках, вернисажах — ему достаточно было ^{того}, что он смог передать и свой восторг и чудо преобразования мира (наглядное доказательство этому было перед его глазами). Впоследствии он поймёт, что эта картина — его последний лист, который он должен обязательно ~~то~~ поделиться. Но и сейчас, несмотря на усталость, он не торопился выйти из мастерской, хотел ещё некого пообщать там, чтобы продлить ощущение своего успеха, сопричастности чему-то прекрасному. Он был счастлив.

Он бродил ходил из комнаты в комнату, испытывая чувство неудовлетворённости. Нет, не мысли о незаполненной электронной

исуркам и не сданным в очередной раз отчётам
лучшим его. Был более важное, один из тех
"проклятых вопросов", на которые никогда не найдешь
готовых ответов. Сегодня всё пошло не

Сегодня всё пошло не так, как было запланировано.
Отличница Настя скучала и, ~~открыто~~ не скрывая этого,
смотрела на часы, ожидая, когда минутная
стрелка закончит свой круг и урок станет хоть
немного короче. Да и весь класс, который он счи-
тал образцовым, который всегда радовал^{ся} его при-
ходу, откровенно хандрил.

И вот вечером, размышляя над этим, он внезапно
остановился перед зеркалом, что висело в прихожей.
Он не увидел в нём чего-то необычного, скорее, то,
что и дажеек был увидеть: уставшее ~~лицо~~ уставший,
слегка раздражённый взгляд. В этом взгляде не
было, как пишут в простекоках романах, "гримасы бо-
ли и отчаяния", но было что-то, заставившее пристав-
но ~~смотреть~~ ^{взглядеться} в зеркало. И внезапно из этого зазеркалья
стали появляться лица его учеников, те образы,
что жили в его ~~хот~~ памяти и которые сейчас
воскрешало зеркало.

Это Петя, который заявил ему в 5-ом классе,
что обязательно будет "лучшим спортсменом по
всему", а уже в седьмом мечтал строить роботов.
Где-то была Александра, которая ~~была~~ появилась
в их дружный коллектив лишь в седьмом
классе. Она была мажором, и ему понадобилось
очень много времени, чтобы узнать, как непростительно
глубок её внутренний мир.

Лица касались одно за другим,
образ за образом он приближался
к 11-ому классу. Это был их последний
год, и он был уверен, что теперь уже

только знает про них всё, знает, какими они
будут, чем живут (не зря же он учил их семь
лет, создавая тот образ человека, который хотел
видеть в них). И вот урок по "Олесе" Куркина,
живое обсуждение, цитаты, записываемые девочками
в блокнотики, и неожиданные выводы, мысли, просте-
ние "Олеси" с той стороны, о которой он даже не
задумывался. ~~И вот уже~~ Вечером, оставив все дела,
вскрывает гитара Куркина, он думает о том,
как много ещё в них не открыто в его детях, как
звёзд тот конкретный образ, который он создал.

[Вспомнилась ^{исч. слова} фраза, прочитанная ^{бы} или когда-то
в университете: "В одну реку нельзя войти дважды -
каждый раз вода будет аловать воды новой реки".

Он ^{потерялся, потерял} думал о том, почему ^{герель} столько лет он
вернулся к нему. ^{дольше, возникшие образы} Люди - это те же реки, - думал
он, - они меняются на протяжении всей жизни, и как
я смогу создать тот постоянный, устойчивый образ,
который хочу видеть. [Он уже давно понял, что
результатом его деятельности не являются болны
Е.И.Э или чёткий выбор профессии детьми.

Он не мог, ^{также} подобно художнику, посмотреть на
законченное полотно и испытать чувство удовле-
творения, ~~он~~ осознавая, что ^{человек} человек всего-то будет
незаконченной картиной и что создавать эту
картину будет не только он один.

Он вспоминал игру, в которую играл в детстве,
когда каждый из участников писал своё предложение,
не видя предложения друга, а потом все вместе
читали, что получилось. Вот и на
картинке под названием "человек", как
и в той игре, был отведён свой участок
с "человек познающий" ~~или~~ "человек открывающий"
или "человек ^{находящий} открывающий" - всё никак не

мог определиться с названием), с той лишь разницей, что ^{здесь} в отличие от детской игры, всё видели, что он пытался создать, что ~~он~~ хотел видеть результатом своей "маленькой" картины.

А видеть он хотел человека, который всегда будет стремиться развиваться, сумеет найти в обычных вещах необычное. Когда он ~~вспоминал~~ рассказывал об этом, то всегда ~~вспоминал~~ историю о картине "Лодка". Вот только одна мысль при этом тревожила его: а сможет ли его ученик стать таким человеком, кто поддержит ~~его~~ ^{его ученика} в дальнейшем пути. Ведь меняются время, меняются люди - мало ли что может случиться.

И сейчас, стоя перед зеркалом, он понимал, что не всегда сможет увидеть готовую картину, ^{целикой} а потому не всегда ~~сможет~~ будет испытывать чувство удовлетворенности. Но он понимал также, что в его руках попытаться создать тот керамический кусочек хаоса, который во масштабах всей картины не так уж и мал. И пусть, возможно, он не увидит конечного результата, но если сможет достойно выполнить свой шедевр, то никогда не будет торопиться уйти из школы домой, а ~~он~~ ^{он} захочет ещё немного побыть в её стенах, чтобы продлить ощущение своего успеха, причастности чему-то великому. И это не будет дальним действием, ~~это~~ отсроченным результатом, это будет его успехи здесь и сейчас. И он будет счастлив. А если по прошествии лет его ученик ^{станет} ~~будет~~ себя спрашивать не о том, хороший ли он человек, инженер или ликист, а спросит о том, хороший ли он человек (да простит меня Доблятов за искажение его слов), то учитель будет счастлив вдвойне. Но это уже результат того дальнего действия, о котором учитель знает, увы, не всегда

